

УДК 7.036.45:821.161.1–3«19»

Даниленко О.Д.

Московский государственный областной университет

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ СИМВОЛЫ
В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЁННЫЕ»**

O. Danilenko

Moscow State Regional University

**SOCIAL AND PHILOSOPHICAL SYMBOLS IN F. DOSTOEVSKY'S NOVEL
«HUMILIATED AND INSULTED»**

Аннотация: В статье рассматриваются различные категории символов в романе «Униженные и оскорблённые». Символика православной веры, символ солнца, символическая антитеза город – деревня, болезненные состояния героев представлены как символы-лейтмотивы всего творчества Достоевского, направленные на раскрытие социальных, философских, духовных и нравственных проблем, поставленных в «переходном» произведении автора.

Ключевые слова: символика; символика солнца; символический эпизод; пространственные символы; церковная символика; символика болезненных состояний героев.

Abstract. In article, various categories of symbols in the novel “Humiliated and insulted” are analyzed. The symbolics of orthodox belief, a sun symbol, a symbolical antithesis city–village, painful conditions of characters are presented as symbols keynotes of all creativity of Dostoevsky, directed at disclosure of the social, philosophical, spiritual and moral problems put in “transitional” work of the author.

Key words: symbolics; sun symbolics; symbolical episode; spatial symbols; church symbolics; symbolics of painful conditions of characters.

Символический пласт в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорблённые» освящён не достаточно полно, данный вопрос требует более глубокого изучения в связи с «переходным» характером произведения, которое стало неким эскизным вариантом зрелых романов писателя. Необходимо отметить, что в «Униженных и оскорблённых» можно выделить такие категории символов, которые нашли своё место в поздних романах Достоевского: символы православной веры; символика солнца; символическая антитеза город – деревня; состояния болезни героев и т. д.

В связи с этим в данной статье выделены в тексте романа «Униженные и оскорблённые» наиболее значимые категории символов и проанализирован их семантический ряд.

А.Ф. Лосев полагал, что многозначные и глубокие по своему содержанию символические образы пронизывают всё творчество Достоевского, и в частности роман «Униженные и оскорблённые». Одним из наиболее значимых, по его мнению, является *символ косых лучей заходящего солнца*, который фигурирует в произведениях писателя неоднократно и становится своего рода символическим лейтмотивом в прозе Достоевского. Лосев отмечает, что в процессе прочтения символа невозможно прийти к однозначной его трактовке, поскольку один и тот же символический образ в разных контекстных ситуациях способен вбирать в себя кардинально противоположные значения. Так и образ косых лучей заходящего солн-

ца не однозначен и противоречив. «С одной стороны, это символ щемящей тоски, наступающего конца и кончины, невозвратимой силы и молодости, погибших надежд и бесплодных упрёков, всегда таящий, однако, в себе нечто сладостное, красиво-грустное и задумчиво-скорбное. С другой стороны, однако, этот символ Достоевского указывает на светлое и возвышенное среди этих болот, грязи, вечно морозящего неба, злого и упрямого, сердитого города» [4, с. 180].

В романе «Униженные и оскорблённые» символ *косых лучей заходящего солнца* встречается несколько раз и каждым своим появлением предваряет важнейшие, переломные события в жизни героев. Роман начинается с описания Иваном Петровичем мартовского солнца в Петербурге, вселяющего силу и надежду на лучшее. Рассказчик отмечает его целительное воздействие на душевное и психологическое состояние человека. «Я люблю мартовское солнце в Петербурге, особенно закат <...> Вся улица вдруг блеснёт, облитая ярким светом. Все дома как будто вдруг за сверкают. Серые, жёлтые и грязно-зелёные цвета их потеряют на миг всю свою угрюмость; как будто на душе прояснеет, как будто вздрогнешь или кто-то подтолкнёт тебя локтем. Новый взгляд, новые мысли... Удивительно, что может сделать один луч солнца с душой человека!» [3, с. 169]. Но вскоре «солнечный луч потух; мороз крепчал и начинал пощипывать за нос; сумерки густели; газ блеснул из магазинов и лавок» [3, с. 170]. Мало-помалу на город опустился вечер, померк солнечный луч, и наш герой возвратился в привычный для него водоворот повседневных забот. Однако его не покидает тревожное предчувствие чего-то значительного. И таким переломным событием в жизни героя становится судьбоносная встреча с Иеремией Смитом.

Однако знакомство Ивана Петровича со Смитом продлилось не долго, оборвавшись внезапной смертью таинственного старика, судьбой которого искренне заинтересовался рассказчик. И здесь важно вспомнить *эпизод*

двух смертей, насыщенный символическим подтекстом. Старик умирает под забором дома сразу после того, как околела его собака Азорка. Р.Г. Назиров отмечает, что «смысл этой метафоры очень жесток: собачья старость, собачья смерть» [5, с. 23]. И, тем не менее, несмотря на пугающее своей бесцельностью существование, образ старика Смита прочно вошёл в судьбу Ивана Петровича и стал для семьи Ихменевых своеобразным, поучительным примером, знаком непримиримости, неспособности к прощению и единению с близкими людьми.

О трагических событиях жизни Смита рассказчик узнаёт от его внучки Нелли, знакомство с которой также предвосхищается иллюстрацией солнечного луча, ворвавшегося в скромную обитель Ивана Петровича. «Погода была ненастная и холодная; шёл мокрый снег, пополам с дождём. Только к вечеру, на одно мгновение, проглянуло солнце и какой-то заблудший луч, верно из любопытства, заглянул в мою комнату» [3, с. 207]. Вслед за солнечным гостем квартиру рассказчика посещает внучка Смита, впоследствии разделившая его существование и как луч солнца осветившая дорогу к примирению в семье Ихменевых.

Героиня вошла в жизнь Ивана Петровича, сопровождаемая светом, солнечными лучами озарила бытие людей, приютивших её, и доживала последние дни, следя за движением заходящего солнца. Закат солнца в данном случае, символизирующий кончину, в равной мере относится как к жизни самой Елены, предупреждая о её смерти, так и к любящим её людям, для которых кончина Нелли сопоставима с закатом чрезвычайно важного этапа их бытия.

Однако пронзительность символа *косых лучей заходящего солнца* не была бы столь явственно ощутима вне оппозиции с другим не менее значимым символом, каковым является образ *Петербурга*. «Достоевский прежде всего противопоставляет эти косые лучи заходящего солнца мрачному и злему виду старого Петербурга, который всегда переживал-

ся Достоевским как некий призрак и мутное наваждение» [4, с. 180]. Контраст «усиливает» обычную обстановку жизни угрюмого города, вселяющего тревогу в сердца героев, судьбы которых и без того наполнены бесконечной чередой страданий, потерь и бедствий. Метущее душевное состояние действующих лиц романа ещё более обостряется на фоне дисгармоничного пространства Петербурга со всеми его грязными домами, сырыми и тесными комнатами-углами, напоминающими погреб, гробы, сундуки, отнимающего последнюю надежду на счастливое будущее, а вместе с тем нравственное и физическое здоровье героев. «Дом обрисовывается, как обособленный мирок, живущий своей таинственной жизнью, влияющий так или иначе на судьбу своего обитателя». [1, с. 37] Закопченные и неуютные каморки, туманные улицы, низко нависающее и давящее небо – все это непременные атрибуты Петербурга – символа изолированности человеческого существования, утраты личностной связи героев, болезненно-го одиночества.

Описывая петербургскую жизнь своих героев, Достоевский всякий раз посредством воспоминания отсылает их в «милое детство», и тем самым противопоставляет город-«призрак, порождённый человеком в его отщепенстве и скитальчестве», деревне, изображая персонажей в тот период времени, когда «на небе было такое ясное, такое непетербургское солнце», когда «кругом были поля и леса, а не груды мёртвых камней» [3, с. 178; 2, с. 27; 3, с. 178]. В дни юности, проведённые на природе, ничто не сдерживало душевных порывов героев. Леса, поля, парки, деревенский воздух – все эти компоненты счастливой жизни, по мнению Достоевского, делали мир героев объёмным, а существование осмысленным и целенаправленным. «Вот почему, как правило, положительные герои Достоевского, цельные натуры, обретают душевное равновесие на природе, в деревенском уединении, где в отношениях людей, по мнению писателя, гораздо больше “нормы”, здоровья» [6, с. 101].

Помимо пространственных символов, раскрывающих социальные и философские проблемы в романе «Униженные и оскорблённые», не последнюю роль играют символы, а точнее, группа символов, глубоко характеризующая историю нравственного падения действующих лиц романа. К таким символам необходимо отнести физические недомогания и болезненные состояния персонажей, церковную символику, бытоописательные элементы романа.

В «Униженных и оскорблённых» в целом создаётся весьма нездоровая атмосфера – по ходу движения сюжета болезнь настигает почти всех главных героев. Центральное действующее лицо, рассказчик Иван Петрович, пишет свой роман, находясь в больнице в ожидании собственной смерти; Наташа, оставляя родительский дом, замечает: «Я... нездорова»; сирота Нелли, ищущая приюта у Ивана Петровича, неоднократно пугает молодого писателя приступами эпилепсии; наконец, Николай Сергеевич Ихменев, в продолжении всего романа неоднократно испытывает сильнейшее недомогание, а в день примирения с Наташей «Николай Сергеевич был очень расстроен и болен и полулежал, протянувшись в своём покойном кресле, бледный и изнеможённый, с головой, обвязанной платком» [3, с. 194; 3, с. 407].

Рассматривая каждый случай в отдельности, приходим к пониманию того, что нездоровье персонажей в романе – это всегда физическое проявление душевного опустошения, преддверие или, напротив, следствие духовного падения. Не случайно, что роман начинается с описания кончины Смита, умирающего на руках у Ивана Петровича. Здесь смерть является не только фактом физической немощи старого человека, но прежде всего метафорическим образом душевной чёрствости, и глубже – духовного разложения героя, не сумевшего простить умирающую дочь и таким образом утратившего смысл существования. Доживая свои последние дни в полном одиночестве, забытому и никому не нужному старику остаётся

лишь одно – уйти из жизни вслед за своей душой, уже давно погибшей. Однако получается, что память окончила путь. Память о Смите не растворяется окончательно в небытии, благодаря его внучке Нелли, которая воочию наблюдала всю жестокость поступка деда по отношению к её матери. И этот наглядный пример чёрствости и непримиримости заронил в душу Елены зёрна гордости и презрения ко всем обидчикам и недоброжелателям и породил разрушительную философию, культивирующую обиду как некий оправдательный повод протеста к жестокому миру. Однако жизнь вопреки, а не в согласии с самой собой и окружающей действительностью, отравила все лучшее в душе героини низменными чувствами и помыслами, истощила её физические силы, а затем её существование и вовсе прекратилось, лишённое какого бы то ни было смысла.

Вслед за смертью маленькой сироты приходит ожидание кончины Ивана Петровича, который записывает роковые события своей жизни, находясь в больнице и доживая там свои последние дни. Смертельная болезнь рассказчика вполне обоснована – Иван Петрович, принеся в жертву судьбу Нелли ради счастья семьи Ихменевых, более не имеет права на жизнь. Искренно любящий Наташу и мечтающий облегчить её участь, рассказчик не находит никакого иного способа смягчить сердце её обиженного отца, как только поведать с помощью Елены о похожей истории её проклятой и непрощённой матери. Однако поглощенный воссоединением близких людей, Иван Петрович, кажется, вовсе не заботится о хрупком, надломленном душевном и физическом состоянии Нелли, которое ещё более усугубляется после болезненных воспоминаний. Таким образом, судьба маленькой героини становится своего рода жертвой, принесённой Иваном Петровичем ради восстановления утраченной гармонии семейных взаимоотношений. Но цена оказалась слишком высокой, и поэтому смерть рассказчика явилась своего рода расплатой за невольно отобранную жизнь.

В свою очередь Николай Сергеевич Ихменев, вычеркнув единственную дочь из жизни, во всё время разлуки с ней находится в болезненном состоянии. Обида и разочарование не дают покоя старику, а более всего гордость, мешающая сделать шаг к примирению. В данном случае необходимо обратить внимание на два вещественных символа в романе, раскрывающих сложное состояние уязвлённой гордости в связи с нереализованным чувством любви. Речь идёт прежде всего об эпизоде с медальоном и разбитой чашкой. Первый символ связан с историей Николая Ихменева и обращает внимание на мучительную, скрываемую от посторонних, а в какой-то степени и от самого себя любовь к дочери, которую тот не имел возможности выразить и прятал за воспоминаниями о прежней жизни, в которой видел единственную отраду. Именно поэтому эффект от внезапно обнаруженного медальона смутил героя и «безумная ярость сверкнула в глазах его. Он схватил медальон, с силою бросил его на пол и с бешенством начал топтать ногою» [3, с. 223]. Униженный Ихменев, стыдясь своего чувства и досадуя на случайное разоблачение сокровенных переживаний, разжигает в себе обиду больше прежнего, оправдывая свое эмоциональное состояние недостойным поступком Наташи. Но, как видно из текста произведения, экспрессивное поведение старика лишь внешняя реакция на непредвиденное обстоятельство, разрушившее тайну и позволившее постороннему наблюдателю вторгнуться на территорию личного, бережно охраняемого пространства героя.

Другой главной героине романа, Нелли, также непросто объявить своё зарождающееся чувство любви к молодому писателю. Бесконечные разговоры Ивана Петровича о Наташе, походы к ней и неумение угадать страданий Нелли ранят душу юной героини и вызывают в ней противоречивые, подчас импульсивные эмоции, провоцирующие на не вполне адекватное поведение. Ласковое и проникновенное настроение Елены нередко сменяется внезапной замкнутостью, утрю-

мостью и даже ожесточением по отношению к рассказчику, когда в беседах снова и снова появляется навязчивое упоминание о его любимой Наташе. Оскорбленная невнимательностью Ивана Петровича, Нелли не выносит его заботы о себе, как о ребёнке, как о человеке, который нуждается в помощи. В отчаянии растревает она свою душу, но, не справившись с мощью душевного гнёта, в неистовстве разбивает чашку, освобождая себя тем самым от мучающих переживаний, и этим действием обнажает драму непонятой и невольно отвергнутой любви. Но на этом Нелли не останавливается. Целый день героиня просит милостыню на улицах Петербурга, чтобы купить новую чашку, похожую на ту, что она давеча разбила. Однако, застигнутая врасплох Иваном Петровичем Елена нечаянно роняет приобретённый предмет на мостовую.

Дважды разбитая чашка в романе – многозначный символ. Если в первом эпизоде чашка становится символом незамеченной первой и, как оказалось, последней любви Елены, то во втором она вбирает в себя, очевидно, иное значение, связанное со стыдом героини, вызванным осознанием несправедливого отношения к близкому человеку, устроившему её судьбу. Эпизод со второй чашкой как бы говорит о разбитой или, другими словами, побеждённой гордости Нелли в отношениях с Иваном Петровичем.

Интересно отметить, что ещё одним проявлением физического недомогания персонажей, поддавшихся влиянию низменных эмоций и отдалившихся от нравственного идеала в «Униженных и оскорблённых», непременно становится приступ удушья. Связано это, как нам кажется, с духовным омертвлением персонажей, греховными помыслами, действиями, чувствами. Например, Николай Ихменев, глубоко обиженный на дочь и находящийся в состоянии нервного срыва, выкрикивает в её сторону проклятия «задушаемым голосом» [3, с. 224].

Покидая родительский дом, Наташа шепчет Ивану Петровичу: «Душно! <...> сердце

теснит... душно!» [3, с. 195]. Из контекста жалобы очевидно, что героиня испытывает душевное недомогание, её терзает мука жестокого выбора между родителями и любимым Алёшей, который, как подчёркивает Достоевский, «сделался идолом в доме Ихменевых» [3, с. 183], а более всего для самой Наташи. Поклоняясь идолу страсти и принося ему в жертву всё самое лучшее, героиня порывает связь с миром, где главенствуют духовные ценности, и обрекает себя на тяжёлые испытания и душевную смуту. Это обстоятельство в жизни Наташи, её уход из родительского дома под «звук колокола, призывавшего к вечерне» [3, с. 194], становится здесь символом погребения прежней жизни и возвещения нового этапа переоценки духовных ориентиров. Мир героини вынужденно сужается до пределов небольшой квартиры, ставшей не только пристанищем отвергнутых любовников, но и в некотором роде убежищем, скрывающем героиню как от проблем большой жизни, так и от обмана и невольного предательства Алёши Валковского, который, возвращаясь однажды к Наташе после очередной лжи, находит свою любимую «в углу, между шкафом и окном. Она стояла там как будто спрятавшись, ни жива, ни мертва» [3, с. 234]. Угол в данном случае представляет собой не столько пространственный символ, сколько философско-психологический, помогающий понять чувства героини и одновременно с этим выразить отношение писателя к жизни. Осознающая ненормальность союза с Алёшей, Наташа тем не менее находится под властью страстной любви и не решается освободиться из плена чувств, загоняя себя тем самым в угол отношениями, лишёнными духовной наполненности.

Завершая анализ наиболее значимого ряда символов в романе «Униженные и оскорблённые», необходимо отметить, что, благодаря использованию уже существующей и разработке авторской символики, Достоевский в своём «переходном» произведении сумел сделать акцент на вопросах духовного

совершенствования героев. Поэтапный анализ эволюции важнейших проблем в романе «Униженные и оскорблённые» посредством художественной символики вывел творчество Достоевского на более высокий уровень философского осмысления глубинных проблем современной ему действительности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анциферов Н.П. Петербург Достоевского. – Петербург: Изд-во Брокгауз – Ефрон, 1923. – 108 с.
2. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. – М.: Захаров, 2001. – 174 с.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. – Л.: Наука, 1972. – 544 с.
4. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд. Испр. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
5. Назиров Р.Г. Трагедийное начало в романе Достоевского «Униженные и оскорблённые»// Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 21 – 36.
6. Семенищенкова Л.Л. «Роман Ф.М. Достоевского “Униженные и оскорблённые”»: проблематика и особенности реализма»: Дисс. ... канд. филол. наук. – Орёл, 1984. – 195 с.